

## КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ XIX СТОЛЕТИЯ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ РОМАНАХ «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА» И.А. БУНИНА И «ЛЕТО ГОСПОДНЕ» И.С. ШМЕЛЁВА

Обозначена проблема изображения и воплощения образного пространства русской культуры второй половины XIX в. в автобиографических романах И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» и И.С. Шмелёва «Лето Господне». Воплощение русских духовных, материальных ценностей, родовой памяти народа, православной культуры и мировоззрения, своеобразие хронотопа произведений, их художественная ценность – круг вопросов, затрагиваемых в исследовании.

**Ключевые слова:** культура; пространство; автобиографический роман; православие.

В современном литературоведении категория «картина мира» всё чаще отождествляется с понятием «культурного пространства». В рамках статьи на данную тему, естественно, невозможно в полной мере осветить проблему воплощения культурного пространства России XIX в. в художественных произведениях писателей Русского Зарубежья, в частности И.А. Бунина и И.С. Шмелёва. Слишком велик объём материала, он заслуживает глубокого и серьёзного исследования. Цель статьи – заявить о проблеме, поставить вопрос более детального анализа автобиографических произведений этих авторов с позиции воплощения в них русского национального культурного пространства указанного периода.

Разноплановы присутствующие в художественных текстах пространственные картины: образы замкнутого и открытого, земного и космического, реально видимого и воображаемого пространства, представления о предметности близкой и удалённой. Литературные произведения обладают возможностью соединять разного рода пространства. Ю.М. Лотман утверждал, что «язык пространственных представлений в литературном творчестве принадлежит к первичным и основным» [1. С. 447]. Временные и пространственные представления составляют единство, называемое хронотопом. Хронотопическое начало литературных произведений способно придавать им философический характер, «выводить» словесную ткань на бытийный образ картины мира, даже в тех случаях, когда герои и сами повествователи не склонны к философствованию.

Проблема культурного пространства в литературных произведениях разработана в трудах Ю.М. Лотмана, Б.Ф. Егорова, В.В. Иванова, Е.В. Мелетинского, С.Ю. Неклюдова, В.Н. Топорова. Предмет их изучения – пространство в мифах, былинах, сказках, народном эпосе, авторских текстах. Применительно к литературе Русского Зарубежья вопрос о культурном пространстве России изучается А.П. Черниковым, Х. Альгазо, Ю.А. Азаровым, М.К. Шемякиной, Л.Ю. Суворовой и многими другими.

Специфика изображения русского культурного пространства XIX в. в литературе «первой волны» эмиграции представляется явлением феноменальным. Потеря Родины определила стремление писателей воскресить её в художественном слове, запечатлеть лучшие стороны в памяти новых поколений. Так родились на свет автобиографические романы «Жизнь Арсеньева» И. Бунина, «Лето Господне» и «Богомолье» И. Шмелёва, «Путешествие Глеба» Б. Зайцева, «Юность» Е. Чирикова, «Петербург» С. Горного (Оцу-

па), «Дюжина ножей в спину революции» А.Т. Аверченко, трогательные очерки и рассказы Н. Тэффи.

Автобиографический жанр – это всегда попытка преодоления уходящего времени, стремление вернуться в прошлое, прожить жизнь сначала, оглянуться и увидеть истоки своей судьбы. Автобиографическая проза приобрела у литераторов-эмигрантов онтологический характер. Отрыв от России необычайно усилил в авторах ностальгическую любовь к ней. Родина представлялась прекрасным потерянным раем, что и обусловило особую разновидность пафоса художественных произведений, которую исследователи определяют как эмигрантскую ностальгическую идеализацию [2. С. 53]. После пережитого эмигранты нуждались в «красивых» воспоминаниях. Превенная жизнь в России казалась им совершенно безмятежной и счастливой (надо отметить, что сами же эмигранты часто понимали идеализацию как иллюзию и высмеивали в сатирической форме).

Но очевидно и другое, более высокое назначение запечатлённого прошлого. «Наши дети и внуки, – писал И.А. Бунин в «Окаянных днях», – не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, поистине сказочно богатую и со сказочной быстротой процветающую, в которой мы когда-то (то есть вчера) жили, которую не ценили, не понимали – всю эту мощь, сложность, богатство, счастье...» [3. С. 90]. В этом смысловое значение авторской памяти многократно усиливается.

Реальное культурное пространство России XIX – начала XX в. получило своё новое рождение в литературе Русского Зарубежья. И.А. Бунин и И.С. Шмелёв в своих автобиографических произведениях воплощают движение жизни как историю поколений дедов, отцов и собственную судьбу. Культурное пространство России конца XIX в. в романах «Жизнь Арсеньева» и «Лето Господне» представляет совокупность духовных и материальных ценностей, определяющих отдельно личность (в данном случае ребёнка, от лица которого ведётся повествование), затем семью, социальные группы (мелкопоместное дворянство, купечество, мещане, ремесленники, духовенство и т.д.), и, наконец, «единичное» национальное духовное достояние. В результате всё это естественным образом включается в мировое культурное пространство, которое, в свою очередь, проецируется на частное.

Большое включается в малое, бесконечность – в пределы одного дома, вечность – в секунды. Создаётся крестообразный хронотоп романов. Горизонталям соответствует в них авторское время, а вертикалям –

время вечное и бесконечное, обозначающее связь, пересечение и преемственность земных и небесных путей. Такой хронотоп произведений способствует эстетическому воплощению проблемы родовой памяти (или прапамяти). У Бунина, как и у Шмелёва, этот мотив имеет сакральный характер. В ранней редакции третьей части «Жизни Арсеньева» прапамять вмещает в себя историю христианства, начиная с пребывания первых людей в райском саду. В «Лете Господнем» автор и его маленький герой при виде панорамы московских соборов размышляют: «Кажется мне, что там – Святое. Святые сидят в соборах и спят цари... Что во мне, бьётся так, наплывает в глаза туманом? Это моё – я знаю. И стены, и башни, и соборы... и дымные облачка за ними... и чёрные полыньи в воронах, и лошадки, и заречная даль посадов... были во мне всегда... И дым пожаров, и крики, и набат... всё помню! Бунты и топоры, и плахи, и молебны... всё мнится былью, моей былью, будто во сне забытом» [4. С. 279]. Юный Иван инстинктивно, на глубинном генетическом уровне, осознаёт себя неразрывной частью православного мира, поэтому ему кажется, что всё то, что стало историей России, было с ним самим. Герой Шмелёва не просто приобщён к прошлому Отечества, он духовно присутствует в нём, ощущает себя его нерасторжимой частью. Соборность и определяет духовное и историческое миропонимание персонажа.

Приобщение к истории, связь поколений в автобиографических романах Бунина и Шмелёва прослеживается как и продолжение добрых дел отцов, выполнение нравственных заповедей, религиозных обрядов, проверенных временем. «И разве не радость чувствовать свою связь, соучастие с «отцы и братии наши, други и сродники, некогда совершавшим это служение?» [5. С. 8] – размышляет о молитве в Духов День Алексей Арсеньев. Изречения Священного писания, ёмкие и мудрые истины наполняют высшим смыслом душу семилетнего Вани в «Лете Господнем»: «Таинственные слова, священное что-то в них. Нравится мне и “яко кадило над Тобою”, и “непшевати вины о гресех”, – всё это выучил я в молитвах. И ещё “жертва вечерняя”, будто мы ужинаем в церкви, и с нами Бог» [4. С. 265].

Описание православных праздников в «Жизни Арсеньева» заметно уступает в объёме соответствующим картинам в «Лете Господнем». Но ценностно ориентированная память Бунина тоже явственно фиксирует эту сторону жизни персонажей романа. Автор не единожды упоминает «о буре восторга», возникающей в душе Алексея Арсеньева при каждом посещении им богослужений, «о взрыве нашей высшей любви к Богу и к ближнему» [5. С. 59]. Память, в представлении писателей, относится к религиозно-нравственным категориям, позволяет героям ощущать себя наследниками прошлого и быть ответственными за будущее. В эстетико-философской концепции бытия прошлое, настоящее и будущее неразрывно связаны. Автобиографические романы насыщены как сюжетными, так и внесюжетными образами, эпизодами, многозначными ёмкими деталями, историческими и литературными реминисценциями и аллюзиями. В них воссозданы обобщающие картины жизни многих поколений, сквозной линией проходит мысль о преемственности дел и памяти

народа, его бесконечном житетворчестве. Система жизненных ценностей, память и прапамять, входят в пространство духовной культуры романов как одна из основных составляющих, постепенно выводя культурное пространство отдельной личности на духовные просторы мировой культуры.

Персонажи Бунина и Шмелёва гордятся своей родословной, отвергая позицию «Иванов, родства не помнящих». «Со старины так», «так уж исстари повелось», – на протяжении всего романа говорят герои «Лета Господня» об укладе жизни замоскворецких дворов. Алексей Арсеньев воспринимает и переживает прошлое отца как собственное, едет в Севастополь, надеясь на встречу с «отцовской молодостью». Материальные воплощения духовных ценностей, такие как старые книги, иконы, древние православные храмы, вызывают особое благоговейное отношение героев. Алексей Арсеньев сомневается, смог ли он любить окружающее, если бы в нём исчезло всё «старое», необходимое для жизнедеятельности. Для Шмелёва и Бунина смысл эволюционного развития – построение жизни не на руинах прошлого, а на его укрепленном фундаменте. Замечательным словесным памятником отцу и своему воспитателю плотнику Горкину стало шмелёвское «Лето Господне», столь же высокого пафоса достигает Бунин, говоря о своей матери: «В далёкой родной земле, одинокая, навеки всем миром забытая, да покоится она в мире, и да будет во веки благословенно её бесценное имя...» [5. С. 14]. Связь поколений в автобиографических произведениях художников, насильственно оторванных от Родины, отражает их желание сохранить и передать последующим поколениям основополагающие духовные ценности России XIX в., потерянные в ходе революционных разрушений.

Общей мировоззренческой основой художественного исследования жизни и у Бунина, и у Шмелёва стало православие. Система его ценностей в автобиографических романах авторов показана по-разному, с различной степенью глубины. Но в целом идея православной духовности определяет как содержание, так и форму произведений. В основу композиции «Лета Господня» впервые в истории русской литературы положен православный календарь, повествование строится не по линейному, а по циклическому принципу. Нарративность «Жизни Арсеньева» – хронологическая, осложняемая экскурсами в прошлое. Оба текста вместе с тем пронизаны христианской мыслью о бессмертии души, идеей вечной жизни. Большое место занимает в них традиционная философская тема смерти. Она проходит сквозь всё повествование Бунина: смерть Писарева, Лики, матери. Роман Шмелёва завершается уходом из жизни отца главного героя, самого дорогого для него человека. Обращение к этой теме имеет глубокий философско-этический смысл. Несмотря на то, что, в своей основе она пронизана оптимизмом, осознанием притягивающих высших законов бытия. Иван Шмелёв и Алексей Арсеньев верят, что в ином мире их ждут «и Христос, и прабабушка Устинья», и другие люди, достойно прошедшие свой земной путь. Не случайно в «Лете Господнем» сцену похорон отца и весь роман заключает православный тропарь, выражающий надежду на вечную жизнь, на бессмертие души.

Система православных ценностей в пространстве романов воплощена по-разному. Если у Шмелёва православие пронизывает всё повествование и является основой бытия, изображено ярко, выпукло, большое место занимают описания его скорее «внешней» стороны, обрядов, предметов, материального воплощения православных ценностей, то у Бунина краски приглушены, основной акцент сделан на внутренние переживания героя, вызванные следованием вере. Но как у Шмелёва, так и у Бунина любовь к земному соединяется с устремлённостью к Царству Небесному, и наоборот, высшие духовные ценности находят опору и основу в русском быте конца XIX в.

На страницах этих произведений воссоздана картина мира через призму жизни отдельно взятой семьи. Изображение дома отца Шмелёва в Замоскворечье представляет собой воплощение микрокосма России и всего православного мира. В романе пространство и время слиты воедино. «Я смотрю на распятие. Мучает-

ся сын Божий» [4. С. 269–260], – говорит главный герой романа. Мучается не в прошедшем времени, а в данный момент. Живое, а не символическое присутствие Господа придаёт шмелёвским героям и всему художественному пространству романа духовную стойкость.

Включённость малого пространства в большое, бесконечности – в пределы одного дома, вечности – в часы характерна и для автобиографического романа Бунина. Батурино в романе тоже представляется бесконечным миром времени и пространства, позволяющим выработать цельность восприятия окружающего, глубину чувств и переживаний Алексея Арсеньева.

Автобиографические романы Шмелёва и Бунина выполнили, думается, свою главную миссию. Пройдя сквозь годы, заглянув в прошлое России, они оставили для её будущего светлую память об ушедшей культуре, уму, душе и деяниям которой мы обязаны мировым признанием отечественной словесности.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю.М. Избр. статьи: В 3 т. Таллинн, 1992–1993. Т. 1. 480 с.
2. Черников А.П. Духовно-нравственные искания в автобиографической прозе Русского Зарубежья (Бунин–Шмелёв–Зайцев) // Творческое наследие Ивана Бунина на рубеже тысячелетий: Материалы Междунар. науч. конф. Елец: Изд-во Елец. гос. ун-та, 2004. С. 52–57.
3. Бунин И.А. Окаянные дни. М.: Советский писатель, 1990. 175 с.
4. Шмелёв И.С. Лето Господне / Предисл. О. Михайлова. М.: Мол. гвардия, 1991. Т. 2. 653 с.
5. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Собр. соч.: В 6 т. М.: Худ. лит., 1988. Т. 5. 639 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 3 октября 2009 г.